

УФИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ВЫПУСК 3

Эдуард Байков

Уфимская литературная критика. Выпуск 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094578

*Уфимская литературная критика. Выпуск 3: Сб. лит.-критич. ст.
и очерков / Авт.-сост. Э.А. Байков.: ЕврАПИ; ООО «Виртуал»; Уфа;
2005*

Аннотация

Данный сборник составлен на основе материалов — литературно-критических статей и рецензий, опубликованных в уфимской и московской периодике: в газетах «ЭФГ» и «Истоки» в 2003–2005 гг., а также в Интернете.

Содержание

Эдуард Байков

5

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Уфимская литературная критика. Сборник литературно-критических статей и очерков. Выпуск 3

© Э.А. Байков, 2005

© Евразийская Академия Проблем Интеграции,
2005

Эдуард Байков

«Священные символы эпоса “Урал-батыр”»

Все мы родом из детства. А какое детство без сказок? А коли так, то и наши сознание и психика насыщены сказочными образами и символами, темами и сюжетами многочисленных и разнообразных сказочных историй.

Наряду с мифом сказка – наиболее древняя форма человеческого словесного творчества. Именно на основе фольклора – сказок, мифов, преданий, легенд, басен и былей – выросла вся литература, и в этом бесспорная заслуга народных сказителей и мифотворцев: бардов и азов, ашугов и сэсэнов, акынов и боянов, бахши и кайсы. Легендарный Гомер и не менее легендарный Садко... «Тысяча и одна ночь» и «Панчатантра»... Братья Гримм и Ганс Христиан Андерсен, Александр Афанасьев и Павел Бажов...

В этом же ряду – блестящем ряду сказок и сказаний – одно из первых мест занимают величественно высящиеся в нософерном пространстве духовной культуры народные героические эпосы, немыслимые без элементов богатырской сказки. Греческие «Илиада» и «Одиссея», шумерская «Песнь о Гильгамеше», индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», иранская «Авеста», исландская «Эдда», немецкая «Песнь о Ни-

белунгах», киргизский «Манас» и калмыцкий «Джангар», армянский «Давид Сасунский» и русские былины... И, конечно же, башкирский эпос «Урал-батыр».

По признанию большинства фольклористов и литературоведов «Урал-батыр» – квинтэссенция башкирского этно-социального самосознания. Лейтмотивом всего повествования выступает диалектическое противопоставление извечных, как и сама жизнь человеческая, начал: добра и зла, любви и ненависти, добросердечности и эгоизма, справедливости и коварства... Два начала, две личности, две судьбы: одной из них – Уралу – предназначено нести людям и всему окружающему свет, тепло, созидание и дружелюбие, а другой – его старшему брату Шульгену – мрак, холод, разрушение и агрессию.

Но не только лишь нравственно-этические начала лежат в основе тематического содержания эпоса. Идейный мир его, как и проблематика, намного шире. В эпосе поднимается извечный вопрос: что есть жизнь, и что есть смерть, и в чем их смысл? Ответ дается устами мудрого старика, познавшего суть бессмертия. От него Урал-батыр узнает, что истинное бессмертие не в физическом, вещественном существовании тела, а в духовном бытии человека, а также в его нравственном самосовершенствовании. Здесь на передний план выходят идея служения всем людям и всему миру – изживание зла и агрессивности путем благодеяний и миротворчества.

Весь эпос, без преувеличения, грандиозен и по своему за-

мыслу, и по содержанию; и чтобы достойно интерпретировать его, нужно время и место. В данной же статье речь пойдет об одном из прочтений «Урал-батыра» в его переложении на сказку. В издательстве «Китап» в ушедшем 2004 году вышел сборник сказок известного уфимского литератора, поэта и беллетриста, врача-психиатра Георгия Ивановича Кацерики.

Первую часть книги и составляет сказка «Дочь Солнца», написанная по мотивам сказания «Урал-батыр». Разумеется, это лишь краткий пересказ эпоса, с использованием специфичных, присущих сказочному жанру, стилистических приемов и сюжетных решений. Автор красочно, сочным языком рисует перед нами картину былых времен – становление человеческой цивилизации.

У Старика со Старухой, которые в рассказе выступают как бы прародителями людей, было два сына: младший Урал и старший Шульген. Были они охотниками и не ведали, что такое смерть или болезни. А еще Старик и Старуха готовили себе зелье из звериной крови, к которому под страхом смерти запрещали притрагиваться своим детям. Но вот однажды старший Шульген стал подбивать младшего брата тайком испробовать запретное питье. Урал с возмущением отказался, а братец его не послушался и отпил из заветной ракушки...

Здесь автор намеренно подчеркивает, что послушание Шульгена приведет его, в конце концов, к духовной гибели.

ли и превращению в оборотня-нелюдь. Ибо попробовавший наркотического дурмана – греческих амброзии и нектара, арийской сомы-хаомы, индейского пейотля, или же звериной крови из башкирского эпоса – становится на путь безумия и саморазрушения. Теряет человеческий облик и деградирует до состояния зверя, а затем и демона. И такой пассаж в изложении Кацерики – психиатра и нарколога – не случает, тем более, если учесть, что книга вышла в преддверии объявленного Президентом РБ Года профилактики алкоголизма, наркомании и табакокурения. Любые стимуляторы, такие, как наркотики, алкоголь, табак, кофе и чай, содержат алкалоиды – вещества, которые разрушают как соматику (тело), так и психику (разум, душу) человека.

Далее, интересен эпизод встречи с волшебным лебедем, оказавшимся дочерью царя птиц – Хумай. Здесь со всей очевидной неприглядностью проявилась звериная, злобная сущность Шульгена, настаивавшего на убийстве птицы, несмотря на ее отчаянные просьбы сохранить ей жизнь. Пока братья спорили, Лебедь-Хумай вырвалась и улетела, но перед этим успела сообщить о существовании Живого Родника, дарующего жизнь и бессмертие. И отправились братья в путь, напутствуемые на прощанье Стариком.

С этого момента начинаются испытания для обоих: выражаясь современным сленгом – «проверка на вшивость». Повествование описывает героические свершения и подвиги Урала, обессмертившие его имя и деяния; и неприкайнные

скитания, а затем злодеяния и козни Шульгена, приведшие последнего к духовно-экзистенциальному краху. Символично, что с самого начала, когда миновали егеты безлюдные места, предстал перед ними выбор: дорога вправо вела к горю и лишениям, дорога влево – к радости и достатку. Шульген по старшинству выбрал левую.

Стезя, предназначенная Уралу, привела того в царство Змея. Как и положено герою, батыр разогнал змей, освободил множество поработанного царем-Змеем люду со всех краев земли, да еще посохом волшебным завладел – тем самым, который впоследствии сыграет зловещую роль.

Шульген же, повстречавшись Заркумом – сыном поверженного царя змей, и услышав из уст того о подвигах брата, затаил на Урала в сердце завистливом ревность, решив взять над братом верх.

И вот съехались егеты и батыры отовсюду на большой праздник – майдан, чтобы в соревновании выявить победителя, а в награду тому – Хумай в жены и крылатого коня Акбузата в товарищи. Только такой богатырь, как Урал, сумел поднять уздечку, обуздать ею коня, усесться на него верхом и взмахнуть волшебным алмазным мечом.

Все козни злобного Шульгена пошли прахом, но не успокоилась его черная, отравленная еще в детстве запретным наркотическим дурманом душа. Выкрыв посох, ударил он им и, тем самым, вызвал небывалый потоп, затопивший всю землю. Тут и Заркум расстарался – в облике огромного змея

умыкнул невесту Урал-батыра, солнечноликую Хумай...

Не знал, не ведал Урал-батыр, что близка его смерть, уже на подступе, идет, ухмыляется, острой косой поигрывает... А, может, как раз таки знал? Знал, но не убоился, решил выполнить свой долг перед людьми, перед всем живым – освободить землю от своего брата-оборотня. Принялся пить воду из озера, тут и проскользнул в его нутро черный змей Шульген и в бешенстве разорвал ему сердце. А после выскользнул обратно и скрылся в темных водах озера под горой Масим.

Урал же, умирая, прощальным словом наставлял людей, в великом множестве собравшихся вокруг него, – чтобы разыскали Живой Родник и передали живительную влагу из него своим детям и внукам, чтобы лучше они стали и обрели мир и счастье на этой земле...

А убитая горем Хумай похоронила своего мужа на самой высокой горе, а затем скрылась навсегда из мира людей. Хребет тот горный, где похоронен Герой, с тех пор стали называть Урал-тау – горой Урал-батыра.

Казалось бы, зло восторжествовало, добро побеждено... Но это лишь на первый взгляд. Нет, это добро торжествует, зло побеждено, а люди освобождены: от змей, от дивов, от власти темных сил и стихий, от того же оборотня Шульгена, который с тех пор носа боялся показать со дна глубокого озера. А люди получили наказ – как жить, чтобы не прервался род человеческий, и чтобы жизнь – юдоль людская осветилась и согрелась лучами доброты, дружбы и взаимопомощи,

а не чахла во мраке ненависти, страха и невежества. И в этом смысле Урал дал людям надежду, а еще – понимание.

Таково мифо-эпическое прочтение главного башкирского эпоса. Не ошибусь, если скажу, что у эпоса «Урал-батыр» имеется несколько уровней толкования, несколько смысловых пластов: указанный выше эпико-мифологический, затем научно-исторический, иносказательно-эзотерический и, наконец, глубинно-психологический. Вот на последнем-то мне бы и хотелось остановиться подробнее в попытке интерпретировать сказание (в изложении Кацерики) в рамках одного из направлений глубинной психологии – учения Карла Густава Юнга.

Юнгианская теория зиждется на понятии «индивидуация», означающем обретение личностью самой себя, достижение своего духовного центра, высшего «Я». Индивидуация – это духовно-экзистенциальный путь к Истине и самоутверждению в этой Истине. Для мистиков и верующих это путь к Богу. В этом высший смысл и предназначение человека.

Далее, в области человеческой духовной реальности (в нозосфере) неизменно присутствуют архетипы – особые первосимволы, праобразы, имеющие колоссальное значение в мире идей и понятий. Архетипы, по Юнгу, определяют направленность человеческой духовной и экзистенциальной самореализации, опосредуют желания, чаяния, интересы и намерения (интенции) людей – как отдельной личности, так и все-

го общества в целом. Архетипы наполняют индивидуальное и коллективное подсознание людей – сферу Бессознательно-го; они постоянно присутствуют в сновидениях, в фантазиях, в творчестве – в особенности, в мифах и сказках, да и во всем фольклоре в целом.

Важнейшие из архетипов следующие. Самость – это психический центр личности, духовное ядро, высшее «Я» (в мистицизме Самость соответствует понятию личного Бога – Атмана). В процессе индивидуации человек чаще неосознанно стремится к своему духовному центру – к обретению Самости. Самость же проявляет себя в образах Бога, Творца, духовного учителя, мудрого старца, великого пророка.

Следующий архетип – Анима у мужчин и Анимус у женщин. Это женское начало в мужчине и соответственно мужской образ в психике женщины. Анима чаще всего приобретает эротическую окраску, но ей присущи и более высшие в духовном отношении стадии – помощницы, мудрой спутницы, доброй феи и богини. Высший образ Анимы – Богоматерь (или Мать Сыра Земля), покровительница всего живого. Анимус у женщин также имеет несколько стадий – от грубого самца и изощренного донжуана до высокоразвитого интеллектуала и мудрого доброго спутника и наставника.

Немаловажное значение имеет и архетип Тени. Тень – это все негативное, отталкивающее, темное и постыдное в человеке, подавленное и скрытое в глубинах подсознания. И, если Самость – это Бог, а Анима-Анимус на продвинутой ста-

дии – ангел-хранитель, то Тень чаще всего является демоном, бесом-искусителем.

В «Урал-батыре» Герой – тот, кто осуществляет процесс индивидуации – достижения своего предназначения в жизни. Это Урал, ставший величайшим батыром. Здесь мы видим, что Старик и Старуха – имаго (образ) прародителей – благословляют Героя на подвиги во имя самой Жизни, ибо Смерть бессильна перед духовной сущностью бытия человека и мира.

С самого начала антагонистом Героя выступает его Тень – старший брат Шульген. Герой мирно сосуществует рядом с Тенью, но в важнейшие, переломные моменты жизни спорит с ней и отвергает негатив, исходящий от Тени. Шульген-Тень это второе «Я» Героя-Урала, оборотная темная сторона его души – таков глубинно-психологический смысл сказания. И, в конце концов, Герой вступает в конфронтацию с Тенью, а затем и пытается уничтожить ее – то есть изжить из самого себя. Здесь весьма символичен эпизод с проглатыванием змея Шульгена, который разрушает изнутри личность Героя. Змей – древнейший символ глубин подсознания, он же посредник между Срединным миром (сознанием) и Нижним миром (подсознанием). Но змей-искуситель – это демон, злой дух, то есть негативный, разрушительный аспект психики человека. Характерно, что сделав свое черное дело, змей Шульген (Тень) навсегда уходит на дно озера, в подводное (подземное) царство. Как известно, подводный

мир, равно как и подземелье, являются олицетворением самых нижних слоев подсознания, так называемого Нигредо – мира мрака, грязи, нечистот и смерти. Но Урал отпрыгивает его, а значит, выпускает свою Тень, освобождается от нее – пусть и ценой собственной физической смерти. Герой все же проходит свой путь до конца – индивидуация успешно завершена.

На этом пути Герою приходится постоянно сталкиваться с различными аспектами своей психосферы и с содержимым коллективного Бессознательного – архетипами, имажо-образами, психическими инстанциями. Например, дочь царя птиц Хумай – классический образ возлюбленной и помощницы, мудрой наставницы, то есть архетип Анимы высшей стадии. Не случайно и то, что птицы – посредники между небом (сферой сверхсознания) и землей (сферой сознания), они же проводники (психопомпы) в мир Бессознательного. Хумай – дочь Солнца, а солнце – символ Самости. Так и отец Хумай – царь Самрау является олицетворением Самости, духовного центра личности.

Старик у развилки дорог, когда Герою и его Тени предстоит выбрать путь – индивидуация или духовно-экзистенциальный тупик, падение и гибель, есть не кто иной, как посланник Самости. Таков же и мудрый старец, объясняющий Уралу суть Живого Родника (к сожалению, Кацерик не включил этот эпизод в свою версию).

Далее, царство змей – образ индивидуального подсозна-

ния (Оно). В «Оно» Героя царят жестокие нравы первобытных времен, где множество аспектов психики поработочены владыкой подводного царства – Кахкахой, то есть той же Тенью. Тенью в эпосе выступают, помимо Шульгена и Кахкахи, также сын последнего Заркум и владыка страны дивов Азрака... И в этом нет ничего удивительного, ведь Тень, как и сам дьявол, многолика.

Анима-Хумай помогает Герою пройти свой путь индивидуации, она же отвергает Тень, указывая истинное место для Шульгена и его спутника, змея Заркума, заточив обоих в темное подземелье: «Посиди теперь в яме. Пусть истомится твоя черная душа... пока человеком не станешь, способным добрую память оставить о себе в этом мире, под этим Солнцем, на этой Земле». В иносказательной форме речь здесь идет о самом Герое, к нему идет призыв оставить, перебороть в себе все темное, отрицательное, агрессивное, чтобы нейтрализовать в себе Тень и, просветлев душой, обрести свою высшую духовную сущность.

Герой, с честью выйдя из ряда испытаний и трудностей, соединяется со своей Анимой, как и обретает в лице крылатого коня-тулпара верного помощника на пути самоидентификации и становления своего «Я». Дело в том, что древний образ крылатого коня (Пегас, Акбузат) является символом трансцендентности, проводника в сверхчеловеческой, надличностной реальности. К тому же Акбузат белой масти, а белый конь – символ жизни, знак удачи и счастья. Прито-

роченный к его седлу меч – воплощение отваги и воинской доблести, а еще воля и долг; а то, что меч – алмазный, означает твердость и прочность намерений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.